

**Е. И. Замылин**

## **ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ВОПРОСЫ ОСТАЮТСЯ**

Ответной реакцией на количественный и качественный рост уголовно наказуемых деяний, особенно совершаемых организованными преступными группами, квалификацию представителей преступного мира, наличие «высоких покровителей», отток профессионалов из силовых структур и как следствие — недостаточно эффективную деятельность правоохранительных органов и суда явилось реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства: с 2009 г. в России действует правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве стороны защиты со следствием.

*Ключевые слова:* досудебное соглашение о сотрудничестве, следователь, прокурор, суд (судья), обвиняемый (подозреваемый), безопасность.

**E. I. Zamylin**

## **PRETRIAL AGREEMENT FOR COOPERATION: THERE ARE STILL SOME QUESTIONS LEFT**

Quantitative and qualitative growth of criminally punishable offences, especially committed by organized criminal groupings, qualification of the criminal underworld representatives, presence of so called friends at court, law enforcement professionals' outsourcing, and, consequently, insufficient effectiveness of law enforcement agencies' and court's activities resulted in reforming criminal legislation and legislation of criminal procedure: since 2009 the legal institute of pretrial agreement for cooperation between the defense and the inquest has been put into practice.

*Keywords:* pretrial agreement for cooperation, investigator, public prosecutor, court (judge), accused (suspect), security.

Наблюдавшийся в последние годы количественный и качественный рост уголовно наказуемых деяний, особенно совершаемых организованными преступными группами, квалификация представителей преступного мира, отток профессионалов из силовых структур, а как следствие — недостаточно эффективная деятельность правоохранительных органов и суда подвигли законодателя к внедрению в практику деятельности последних нетрадиционных методов работы. А именно законодательно закреплено досудебное сотрудничество стороны защиты со следствием [1].

Особое место данный правовой институт занимает в судебной системе США, где он

появился в конце XIX в. и получил широкое распространение. Главной целью сделки о признании вины между сторонами защиты и обвинения в американской системе права, по заявлению Стивена Теймана, профессора Сент-Луисского университета США, является уголовно-про-цессуальная экономия, позволяющая избежать громоздкой процедуры судопроизводства, которая также влечет за собой смягчение вины обвиняемого и сокращение объема обвинения [2]. Так называемый «институт сделки с правосудием» доказал свою эффективность в практике борьбы с преступностью и в ряде других передовых экономически развитых стран, в частности в Англии, Германии, Италии, Израиле,

Нидерландах, Норвегии, Франции, Японии и др.

Значимость подобной практики в деятельности правоохранительных органов нашла отражение и на уровне межгосударственных документов, затрагивающих проблемы борьбы с преступностью в глобальном масштабе. Так, 46-я Генеральная Ассамблея ООН по вопросам борьбы с организованной преступностью указала, что смягчение приговора или даже освобождение от уголовной ответственности могут побудить преступников, не игравших ключевой роли в совершении преступления, оказать содействие расследованию, а введение упомянутых процедур в национальное законодательство может способствовать привлечению их к сотрудничеству [3].

Вопрос о целесообразности в законодательстве России гарантий смягчения наказания или освобождения от него обвиняемого (подозреваемого) в случае деятельного и активного участия в процессе раскрытия и расследования совершенного уголовно наказуемого деяния неоднократно на протяжении ряда лет поднимался как в средствах массовой информации, так и в научных трудах специалистов в области криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального права [4; 5; 6, с. 22—23; 7, с. 162—165].

Проведенное нами исследование в части изучения означенной проблемы показало, что почти 90 % следователей признали целесообразным введение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство правовых норм, регулирующих порядок соглашения сторон обвинения и защиты. При этом остальные следователей, чье мнение испрашивалось в процессе интервьюирования, не отрицали значимости данного правового института, высказывая сомнение в действенности относительно возможности применения его норм в условиях нашего правового поля, среди прочего была ссылка и на менталитет участников уголовного судопроизводства. Кроме того, каждый третий

обвиняемый в совершении тяжких и особо тяжких преступлений в составе группы, пожелавший участвовать в анонимном анкетировании, проявил интерес к перспективе сотрудничества со следствием в случае смягчения наказания за совершенное деяние, а каждый девятый высказал желание «поэкспериментировать», «поиграть в орлянку с судьбой» [8].

Появление нового, ранее неизвестного нашему законодательству правового института предопределило основное направление деятельности правоохранительных органов и суда по реализации положений закона — борьбу с организованными формами проявления преступной деятельности: отсутствие у обвиняемого (подозреваемого) соучастников уголовно наказуемого деяния, т. е. его содействие следствию лишь в сообщении сведений о собственном участии в преступлении («самоизобличение»), не может служить основанием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В случае, когда лицо является с повинной и принимает активное участие в раскрытии и расследовании совершенного им преступления, закон предусматривает возможность применения иных поощрительных мер (ст. 61, 62 УК РФ).

«Красной чертой» в законе выделено взаимобязательство сторон, где обвиняемый (подозреваемый), с одной стороны, принимает на себя обязательство по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, способствованию в изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, в розыске имущества, добытого преступным путем; в свою очередь, сторона обвинения берет на себя гарантии, что размер назначенного наказания не будет превышать половины наиболее строгого вида наказания (или не более 2/3 в особо оговоренных в законе случаях) при выполнении условий, отраженных в соглашении.

В отличие от зарубежных аналогов, цель которых — признание вины, достижение

соглашения в части квалификации и размеров наказания, цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России — стимулирование положительных посткриминальных поступков [9]. Данный правовой институт — отнюдь не упрощенная ускоренная форма уголовного судопроизводства. Его значение не столько в упрощении разбирательства по делу, сколько в переходе к новому, основанному на компромиссе способу противодействия преступности, к избирательности уголовной репрессии, расширении правовой базы для сотрудничества обвинительной власти с обвиняемым. Принципиально важно, что государство вступает в соглашение с обвиняемым (подозреваемым), т. е. берет на себя обязательства, а не в императивном публично-правовом режиме проводит в жизнь принцип неотвратимости уголовной ответственности [10].

Начало деятельного взаимодействия сторон определено инициативой подследственного, который вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. В отдельных работах признается целесообразным, чтобы заявляемое ходатайство по структуре соответствовало процессуальным документам, где наряду с обязательными атрибутами, им присущими, в описательно-мотивировочной части подозреваемый, обвиняемые излагают мотивы своего решения, конкретные действия, которые они уже совершили и намереваются совершить в интересах следствия. Реальность намерений должна подтверждаться: указанием или описанием конкретных лиц и совершенных ими преступлений (изобличению и уголовному преследованию которых намеревается содействовать ходатай); указанием местонахождения ценностей, орудий преступления, оружия, наркотических средств и иных вещественных доказательств [11].

Несмотря на то, что в законе (ч. 2 ст. 317.1 УПК) обозначен перечень сведений, которые

должны быть зафиксированы в ходатайстве, требования к содержательной части данного документа отсутствуют. Вполне естественно, что это подразумевает произвольное изложение ходатайства, не подводя его под процессуальный стандарт. Думаем, нет необходимости до такой степени «заформализовывать» волеизъявление конкретного участника уголовного процесса о сотрудничестве. Тем более, изложение в ходатайстве предлагаемых требований возможно лишь в результате квалифицированной юридической помощи, а законодатель предоставляет возможность подозреваемому самостоятельно выходить с ходатайством о сотрудничестве, в том числе и подготовку его в условиях изоляции от общества, передавая данный документ через администрацию ИВС или СИЗО.

Законодатель не обязывает защитника участвовать в составлении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, но данный официальный документ должен быть им подписан. Означенное волеизъявление подследственного является еще одним из оснований вовлечения в уголовный процесс адвоката-защитника: получение ходатайства (прежде чем приступить к процедуре его рассмотрения) обязывает следователя к вовлечению в производство по делу защитника, если таковой до этого момента в процессе не участвовал.

Позволим себе не согласиться и с комментарием закона в части, где предлагается определенный порядок «указания или описания» в ходатайстве «конкретных лиц и совершенных ими преступлений; ...местонахождения ценностей, орудий преступления, оружия, наркотических средств и иных вещественных доказательств». Это отчасти является информированием правоохранительных органов о фактах противоправной деятельности, имеющих доказательственное значение, в тот момент, когда досудебное соглашение о сотрудничестве не заключено, а

положительное решение со стороны обвинения находится под вопросом (ходатайство может быть и отклонено). Посмотрим на это и с негативной стороны: получив означенные сведения до заключения соглашения, будет ли необходимость стороне обвинения переводить это на «процессуальные рельсы», когда информация по делу налицо?

По нашему мнению, расширение перечня сведений, выходящих за рамки, определенные ч. 2 ст. 317.1 УПК, нецелесообразно. Законодатель не обязывает инициатора соглашения излагать конкретные данные, имеющие доказательственное значение по делу, которые могут охватывать предмет соглашения о сотрудничестве. Достаточно, чтобы в ходатайстве была обоснована позиция (волеизъявление) подозреваемого (обвиняемого) и показана осведомленность об обстоятельствах по делу, информация о которых может заинтересовать сторону обвинения и подвигнуть ее к сотрудничеству.

Несмотря на то, что ходатайство (как уже было указано выше) выполняется в произвольной форме, вряд ли можно отрицать, что оно, будучи вручено следователю, может быть подвергнуто корректировке взаимодействующими сторонами. Реализация данного положения, как представляется, необходима, чтобы исключить неточность выражений, имеющее место двойственное толкование некоторых фактов, изложенных в ходатайстве, уточнение смысла отдельных словосочетаний и т. д., что в целом свойственно документам, которым присуще произвольное оформление.

Решение об удовлетворении ходатайства о заключении соглашения или его отказе должно быть продиктовано целесообразностью предстоящего сотрудничества, в том числе отсутствием иных возможностей получения искомых доказательств по делу. Оно не может быть мотивировано лишь «процессуальной экономией, позволяющей избежать громоздкой процедуры судопроизводства». Вряд ли есть

необходимость в заключении соглашения, если в результате деятельного раскаивания обвиняемого (подозреваемого) будет получена информация, которая лишь дублирует сведения, имеющиеся в материалах уголовного дела, или информация, которую следователь может получить из иных источников, не используя процедуру досудебного соглашения о сотрудничестве, и проч. Сторона обвинения должна руководствоваться ценностными категориями — значимостью информации в процессе всестороннего и полного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Вместе с тем должны учитываться и иные обстоятельства по делу: позиция потерпевшего, гражданского истца, данные, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого), возможный общественный резонанс и др. Субъективное убеждение следователя в несоответствии тяжести совершенного преступления и наступивших последствий предлагаемому подозреваемым (обвиняемым) варианту сотрудничества является основанием для отказа в удовлетворении заявленного ходатайства. До истечения предусмотренных процессуальных сроков следует считать допустимым уточнение позиций сторон, поиск компромисса [11].

Тем не менее глубокий анализ «новеллы» законодательства дает повод для сомнений в качественном уровне разработки и совершенстве института досудебного соглашения о сотрудничестве, отдельным положениям которого присущ половинчатый характер.

Так, с точки зрения соблюдения конституционных требований и норм международного права правомерность заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым) без участия и волеизъявления потерпевшего, предоставления ему возможности активно отстаивать свою позицию по делу в судебном разбирательстве, в том числе путем участия в исследовании

доказательств, весьма сомнительна. Принимая во внимание конституционное право на доступ потерпевшего к правосудию, условием соглашения о сотрудничестве с обвиняемым (подозреваемым) должно быть согласие потерпевших от преступления, мнение которых необходимо выяснять еще на стадии предварительного расследования [12; 13]. Это также прямо вытекает из законодательного определения данного соглашения, предлагающего участие в нем всех сторон (п. 61 ст. 5 УПК).

В качестве спорного момента заключения соглашения можно выделить ситуацию, когда обвиняемый действительно виновен в предъявляемом ему эпизоде, но располагает информацией относительно другого, более сложного дела, к которому он непричастен, и готов предоставить ее следствию. В данном случае считаем необходимым разъяснение или уточнение со стороны законодателя положений соответствующей правовой нормы. Хотя А. П. Рыжаков и утверждает, что «мы имеем дело не с принципиальной позицией законодателя, а с несовершенством избранной им формулировки. В п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ правильное было бы вести речь об активном способствовании изобличению и уголовному преследованию не других соучастников преступления, а лиц, совершивших преступление» [14].

Из содержания ч. 2 ст. 317.1, п. 2 ч. 1 ст. 317.5, п. 2 ч. 1 ст. 317.6 и п. 2 ч. 4 ст. 317.7 УПК следует, что предметом соглашения должно являться содействие лица в раскрытии и расследовании именно того преступления, в связи с которым оно и приобрело статус подозреваемого или обвиняемого. Однако п. 3 ч. 1 ст. 317.5 УПК предусматривает указание в постановлении прокурора преступлений или уголовных дел, «обнаруженных» или возбужденных в результате сотрудничества с обвиняемым. Данное обстоятельство дает основание для вывода о том, что условия заключения соглашения не должны ограничиваться содействием в раскрытии и

расследовании преступления, совершенного только этим подозреваемым или обвиняемым [13].

Вряд ли следует отказывать инициатору в предлагаемом им сотрудничестве в обмен на показания, которые в дальнейшем будут использованы при выдвижении обвинения в ходе расследования более тяжкого преступления или деяния, имеющего большой общественный резонанс. Однако считаем необходимым рассматривать данное положение несколько с иной позиции: при возбуждении уголовного дела, основаниями которого послужили показания «нашего» фигуранта (если на тот момент уголовное дело не было возбуждено), или на момент проведения отдельных следственных действий и мероприятий с его участием данному лицу должен быть придан статус свидетеля со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Закон запрещает принуждать обвиняемого к даче показаний, он не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний, но эти нормы не могут трактоваться как «право на ложь». Можно указать на одностороннее усиление позиций защиты обвиняемого в уголовном судопроизводстве; у нас до сих пор не введено правило, существующее за рубежом: обвиняемый не обязан давать показания, но если он соглашается их дать, то выступает в роли свидетеля [15, с. 8; 16, с. 20]. Процессуальная функция обвиняемого при даче показаний в рассматриваемой нами ситуации ближе к функции свидетеля, что требует введения ответственности за заведомо ложный донос и (или) дачу заведомо ложных показаний.

Не поддается рациональному осмыслению тот факт, что обвиняемый (подозреваемый) может оговаривать кого угодно без определенных уголовно-правовых последствий. При вступлении в уголовный процесс в качестве свидетеля фигуранту будет невыгодно придерживаться данной линии поведения, так как, нарушая этим условия соглашения, он не

только лишится права на поощрительные меры, оговоренные в законе, но и будет привлечен к уголовной ответственности за лжесвидетельство.

Досудебное соглашение о сотрудничестве — это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором они оговаривают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения (п. 61 ст. 5 УПК); оно представляет собой письменный документ, отвечающий процессуальной форме и требованиям, изложенным в ст. 317.3 УПК. Однако формально роль следователя, отведенная ему законодателем (чч. 3 и 4 ст. 317.1 УПК) в этой процедуре, по нашему мнению, несколько занижена.

Несмотря на то, что в качестве одной из сторон заключения досудебного соглашения о сотрудничестве закон называет сторону обвинения, к которой отнесен и следователь (п. 47 ст. 5 УПК), при оформлении заключения соглашения ему отведена незаслуженно второстепенная роль. Именно в распоряжение лица, в производстве которого находится уголовное дело, поступает соответствующее ходатайство стороны защиты, и именно следователь выносит мотивированное постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с обвиняемым (подозреваемым) досудебного соглашения о сотрудничестве либо отказывает в его удовлетворении. На момент заключения соглашения следователь приглашается прокурором, где он наравне со «сторонами» участвует в определении условий и предмета соглашения. Законодатель не счел необходимым наделение лица, в чьем производстве находится уголовное дело, правом визирования означенного соглашения при том, что следователь, кроме всего прочего, на весь период производства по делу непосредственно контролирует и координирует условия, на которых оно заключено и в соответствии с

которыми данный документ признается легитимным по окончании расследования, выполняя функцию своеобразного цензора.

Кроме того, в законе закреплено положение, согласно которому ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается непосредственно подозреваемым или обвиняемым подписанное защитником (ч. 1 ст. 317.1 УПК). То есть, буквально толкуя положения закона, в качестве инициатора определена лишь сторона защиты, а стороне обвинения, как представляется, отведена нейтральная позиция вплоть до момента получения письменного документа с предложением о сотрудничестве.

Вряд ли функция следователя должна быть ограничена определением наличия оснований для заключения соглашения, от него также должна исходить инициатива сотрудничества; не последнюю роль здесь играет убеждение обвиняемого (подозреваемого) во взаимной выгоде предстоящего взаимодействия, нейтрализуя негативные мотивы и укрепляя те из них, которые побуждают фигуранта к сотрудничеству. Вникая в проблему раскрытия и расследования преступлений, трудно оспаривать тот факт, что сторона обвинения (особенно следователь) проявляет далеко не меньший интерес в деятельном раскаянии подследственного, непосредственного исполнителя преступления. Поэтому в качестве инициатора досудебного сотрудничества должна выступать не только сторона защиты, но, безусловно, и сторона обвинения [17].

В качестве контраргумента вполне уместен тезис о том, что данное право будет доведено до сведения и разъяснено подследственному его защитником, который может быть как инициатором заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так и стороной, поддерживающей инициативу подзащитного. Но нельзя не принимать во внимание ситуацию, когда лицо вправе заявлять ходатайство с момента начала уголовного преследования (ч. 2

ст. 317.1 УПК), т. е. в тот временной период, когда услуги адвоката-защитника еще не предоставлены.

Разъяснение основных положений данного правового института, его отрицательных и положительных последствий для обвиняемого (подозреваемого), а также обязанностей, которые будут оговариваться условиями соглашения, выступает, по нашему мнению, одним из краеугольных камней в деятельности следователя. Считаем обязательным со стороны обвинения (как правило, это следователь) разъяснение подследственному (на момент ознакомления с правами и обязанностями данного участника уголовного судопроизводства) его права выходить с ходатайством о досудебном соглашении о сотрудничестве перед соответствующим прокурором и последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения условий соглашения, комментируя основные положения гл. 40.1 УПК.

В ходе реализации досудебного соглашения о сотрудничестве и его условий (имеется в виду определение характера и пределов содействия обвиняемого следствию в порядке требований ст. 317.5 УПК) следователь и прокурор занимают нечто вроде позиции посредника между обвиняемой стороной и судом. В этом случае судья не связан условиями соглашения, достигнутого между сторонами обвинения и защиты. Получается, что «представление прокурора и непосредственное подтверждение этого факта государственным обвинителем в судебном заседании недостаточно. Суд сам должен вникать в то, насколько результативным оказалось соглашение, т. е. действительно наличествует обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ» [10; с. 11]. Возникает вопрос: будут ли при этом распространяться на суд правила, изложенные в диспозиции ч. 2 или ч. 4 ст. 62 УК, и обязан ли он их придерживаться? Значит, наступление уголовно-правовых последствий соглашения в виде смягчения наказания поставлено в зависимость

не только от того, насколько деятельны раскаивание обвиняемого и его помощь следствию, но и от внутреннего убеждения судьи, формируемого в процессе изучения материалов дела.

Не совсем понятна цель, преследуемая законодателем при возложении на суд обязанности в ходе судебного разбирательства исследовать исполнение обвиняемым взятых на себя обязательств (ч. 5 ст. 317. 7 УПК), и иным авторам, исследовавшим данную проблему. Так, О. В. Карпов и И. В. Маслов, будучи практическими работниками, задаются вопросом: означает ли это, что суд, придя к выводу о недостаточном количестве и качестве представленных обвиняемым сведений для смягчения ответственности и наказания, соответствующее соглашение аннулирует, а дело подлежит рассмотрению в общем порядке? [18].

Кто же будет выступать гарантом определения вида и размера наказания в случае, если обвиняемый (подозреваемый) добросовестно выполнил все условия, предусмотренные соглашением о сотрудничестве? Не значит ли это, что на момент заключения соглашения со стороны обвинения (следователем или прокурором) о подобном развитии событий должна быть официально информирована сторона защиты?

Напрашивается вывод: может быть, вполне достаточно исследования подготовленных следователем материалов, подтверждающих соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, на уровне прокурора, который, утверждая обвинительное заключение, выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу? Практика покажет. Или суд должен выступать в качестве одной из сторон заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, не являясь ни стороной обвинения, ни стороной защиты? На

сегодняшний день это уже будет не противоречие в законодательстве, а прямое нарушение закона. Англосаксонское законодательство в части «сделки с правосудием» определяет, что ее условия обсуждаются обвиняемыми и представителями прокуратуры, а затем утверждаются судьей, как правило, в открытом судебном заседании. Судья может отказать в утверждении сделки, но если он дает свое согласие, то обязан, со своей стороны, исполнить ее условия.

Посредством введения новой главы в Уголовно-процессуальный кодекс законодатель не обошел вниманием и такую насущную потребность сегодняшнего дня, как безопасность обвиняемых и подозреваемых. И хотя, по мнению авторитетного ученого в сфере обеспечения безопасности добросовестных участников уголовного процесса профессора Л. В. Брусницына, данная новелла — лишь констатация того, что уже предусмотрено законодательством, и ничего не добавляет к защите обвиняемого (подозреваемого) [19], законом в очередной раз акцентировано внимание правоприменителя на значимость деятельного сотрудничества данной категории участников уголовного процесса со следствием.

Представляется, что сотрудничество со следствием, несмотря на угрозу безопасности, свидетельствует не только об исполнении подследственным его обязательств по соглашению, но и характеризует его как личность. Означенное, наряду с другими данными, характеризующими личность подсудимого, к установлению которых суд обязывает п. 5 ч. 4 ст. 317. 7 УПК, должно учитываться при назначении наказания [19, с. 16]. Поэтому, оформляя представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу, прокурор должен указать степень угрозы личной безопасности, которой в результате сотрудничества со стороной обвинения подверглись обвиняемый и

лица, жизнь, здоровье и благополучие которых ему дороги (п. 4 ч. 1 ст. 317. 5 УПК), а суд обязан исследовать степень данной угрозы (ч. 4 ст. 317. 7 УПК). Кроме того, по нашему мнению, со стороны прокурора необходимо отразить характер противоправных действий, принимаемых заинтересованными лицами, в целях воспрепятствования установлению истины по делу и меры процессуальной и государственной защиты как ответную реакцию правоохранительных органов.

Соответственно, принимая за основу изложенное, считаем должным в ходе составления досудебного соглашения о сотрудничестве обозначить стороне защиты меры безопасности, которые в случае необходимости будут применены в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц. Если обеспечение безопасности данной категории лиц необходимо уже на момент заключения соглашения, то перечень конкретных мер безопасности, которые будет реализованы стороной обвинения, должны быть, по нашему мнению, отражены в соглашении как обязательство перед стороной защиты.



### Список библиографических ссылок

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Рос. газ. 2009. 3 июля.
2. Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия // Рос. юстиция. 1998. № 10. С. 36—37.
3. Практические меры борьбы с организованной преступностью: рекомендации международного семинара ООН в Суздале // Вестник МВД РФ. 1992. № 5. С. 69.
4. Шевцов О. Побратается ли майор Пронин с комиссаром Каттани (интервью с министром внутренних дел Италии Н. Манчино) // КП. 1993. 11 сент.
5. Савкин А. В., Захаров Г. С. Исследование и оценка на предварительном следствии деятельного раскаяния подозреваемого (обвиняемого) // Информ. бюл. СК МВД России. М., 1994. № 1.
6. Трухачев В. В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.
7. Звягин А. И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
8. В интервьюировании по исследуемой проблеме пожелали участвовать 98 обвиняемых из различных регионов России, преимущественно проходящих по уголовным делам, возбужденным на территории Южного федерального округа в период с 2003 по 2008 г.
9. Звечаровский И. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9. С. 14.
10. Александров А. С., Александрова И. А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8 (56). С. 3.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Томин, М. П. Поляков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009 // СПС «Гарант», 2009.
12. Смирнов А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10 (58). С. 7—8.
13. Николаева Т., Ларкина Е. Некоторые вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2009. № 6. С. 88.
14. Рыжаков А. П. Постатейный комментарий к главе 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // СПС «Гарант», 2009.
15. Долгова А. И. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С. 8.
16. Глобенко О. А. Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
17. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 28, г. Москва // Рос. газ. 2010. 13 янв.
18. Карпов О. В., Маслов И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. 2009. № 9. С. 7.
19. Брусницын Л. В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. 2009. № 12. С. 18.